

УДК 325.1:314.722 (571)

О. Б. Романова

ПОНЯТИЯ «МИГРАНТ» И «ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье обосновывается необходимость разграничения понятий «мигрант» и «переселенец». Автор приводит аргументы в пользу теоретической значимости подобной дифференциации и иллюстрирует ее важность для региональной миграционной политики.

Ключевые слова: мигрант, переселенец, миграционная политика, российский Дальний Восток, миграция.

“Migrant” and “settler” as a definition: theoretical features and social reality. OLGA B. ROMANOVA (Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok).

The article deals with the terms “migrant” and “settler” and states the necessity of their differentiation. The author concludes that this differentiation is of great theoretical value and practical importance in terms of the border policy of the Russian Far East.

Key words: migrant, settler, migration policy, Russian Far East, migration.

Одним из важнейших вопросов для Дальнего Востока России, имеющим существенное геополитическое, стратегическое и экономическое значение, является сохранение достаточной численности населения. Слабая заселенность территорий, обладающих богатым ресурсным потенциалом, делает их объектом интереса со стороны сопредельных государств. Кроме того, как отмечают исследователи, развитие внешнеэкономических связей со странами АТР требует ускоренного развития экономики Дальнего Востока и значительного роста населения региона [5].

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке на всех этапах его освоения находилась в непосредственной зависимости от контролируемых государством миграционных потоков, благодаря которым регион многие годы имел значительный прирост населения. Начиная с 90-х годов XX в. Дальний Восток России стремительно теряет население. Как отмечает С.Ю. Просвирнов, «отрицательные итоги миграции дальневосточных территорий России в 90-е гг. во многом определились не столько за счет широкомасштабного «исхода» коренного населения, а в большей степени из-за сокращения количества переселенцев в регион», который «стал непривлекательным для потенциальных мигрантов» [22, с. 62].

На фоне общего сокращения объемов миграции на Дальнем Востоке среди прибывающих в регион наблюдается рост числа мигрантов, в основе мо-

тивации смены места жительства которых лежат чисто экономические интересы. Исследователи отмечают, что «в большинстве своем... прибывающие сегодня в Приморье относятся к категории так называемых нерезидентов, намеренных вернуться на родину» и настроенных «на временное проживание» [7, с. 74].

Однако с точки зрения перспектив дальнейшего развития региона важен не просто количественный рост его населения. Ведь под формированием населения мы понимаем не просто рост его численности вследствие миграционного прироста, но и наращивание в населении доли постоянных жителей [25]. Таким образом, важно не просто обеспечить ускоренный рост населения, а сформировать на Дальнем Востоке постоянное население.

При всей очевидности данной проблемы, меры, принимаемые для ее решения федеральной властью, отличаются крайне низкой эффективностью и носят зачастую декларативный характер. Примером может служить «Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», принятая в 2006 г. и ставшая наиболее значительным и системным мероприятием в миграционной политике постсоветского периода. В качестве основных целей Программы заявлены «стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, компенсация

РОМАНОВА Ольга Брониславовна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток). E-mail: klio26@mail.ru
© Романова О.Б., 2013

естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию» [9].

Сегодня очевидно, что Программа провалилась, поскольку ни одна из поставленных в ней целей не была достигнута. В частности, в Амурскую область на начало 2012 г. прибыло всего 214 участников программы и членов их семей из запланированных 772 [23].

Одной из причин подобной неэффективности, на наш взгляд, является отсутствие четкой терминологии в миграционном дискурсе. Существенной проблемой, затрудняющей теоретические исследования, является терминологическая неопределенность, связанная с понятием «мигрант». Под мигрантами принято понимать как лиц, приезжающих с других территорий на постоянное место жительства, так и индивидов, прибывающих ради временного заработка.

В то же время обозначенные категории обладают различными сущностными характеристиками. Временный человек ориентирован на выезд и нацелен на быстрое получение результата. При этом для «реализации своих целей он в максимальной степени использует природу, производственные коллективы и ресурсы предприятий. Денежные средства в большей мере накапливаются и предназначены для вывоза за пределы района» [5]. Активное же участие в общественной жизни, заинтересованность в развитии территории проявляют лишь те индивиды и социальные группы, которые нацелены на постоянное проживание. На наш взгляд, в научном дискурсе необходимо разграничение категорий «мигрант» и «переселенец»: под первыми предлагается понимать лиц, прибывших на временные заработки и движимых прежде всего экономическими мотивами, под вторыми – тех, кто руководствуется решением переехать в данный район на постоянное место жительства.

Для лучшего понимания проблемы нужно разобраться с исходным термином, а именно с понятием «миграция». Возможно, самая большая трудность в изучении миграции заключена в ее многообразии – в формах, типах, участниках, мотивациях, в социально-экономическом и культурном контекстах. Чаще всего под миграцией понимают перемещение населения, связанное с переменой места проживания [15, с. 29]. В соответствии же с этимологией слова собственно миграцией может быть назван ее безвозвратный вид, или переселение. Именно переселение отвечает двум важным условиям: население перемещается из одних населенных пунктов в другие, при этом

перемещения сопровождаются сменой постоянного места жительства.

Некоторые авторы поддерживают эту позицию, утверждая, что «если индивид отправился куда-либо с намерением вернуться назад, то это... не миграция, а временное пребывание в другом месте» [4, с. 26], и подчеркивают, что «миграция... связана с переменой постоянного места жительства, т.е. с переездом из прежнего места проживания в новое» [28, с. 23].

Однако этот подход к определению миграции, который принято называть узким, большинство исследователей не разделяет, предпочитая рассматривать миграцию в широком значении этого слова. Некоторые из них, говоря о миграции, принципиально не разводят различные виды движения населения. Так, Я. Щепаньский называет миграцией любое перемещение, не только в географическом пространстве [30]. М.В. Курман утверждает, что территориальная миграция не исчерпывает всего многообразия видов миграции населения и относит к ней образовательную, профессиональную миграцию, а также «все виды движения населения, имеющие общественную значимость» [13, с. 97].

Большинство ученых тем не менее исходит из представления о миграции как о территориальном передвижении населения. Например, В.И. Переведенцев понимает под миграцией совокупность переселений людей, т.е. таких их перемещений по территории, которые неразрывно связаны со сменой ими мест жительства на относительно продолжительный срок [19, с. 9]. По мнению В.М. Моисеенко, миграция – это «одна из форм движения населения, при которой перемена места жительства на более или менее значительное расстояние и время сопровождается общественно значимыми экономическими, социальными, демографическим и другими последствиями» [17, с. 24]. Л.Л. Рыбаковский определяет миграцию как «любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [Цит. по 15, с. 35].

Большинство современных исследователей относят к миграции не только переезды на постоянное место жительства, но и «переезды из одних населенных пунктов в другие, ежедневные поездки на работу или учебу за пределы населенных мест, прибытие в тот или иной район на временные, в том числе и сезонные, работы, поездки в командировки, отпуск и другие перемещения» [25]. В соответствии с этим выделяют такие виды

пространственного движения населения, как эпизодическая, маятниковая, сезонная и постоянная миграции [25]. Не вдаваясь в подробное описание каждого из этих видов, следует отметить, что первые три вида не имеют отношения к смене постоянного места жительства. Таким образом, понятие «миграция» включает в себя как безвозвратные, так и временные перемещения индивидов и их групп.

Термин «переселение» также встречается в научной литературе и нормативных документах, связанных с миграционными процессами. Данное понятие широко употреблялось в дореволюционный период, поскольку термин «миграция» тогда фактически отсутствовал в общественно-научном дискурсе. Так, в Большой энциклопедии (1903–1904 гг.) термин «миграция» приводится в узкобиологическом значении, тогда как переселение определяется как «передвижения земледельческого населения в пределах государства с целью поселения в новых, необитаемых или малообитаемых частях страны» [3, с. 35]. У авторов, исследующих освоение Дальнего Востока и переселенческую политику Российской империи, мы также встречаем термин «переселение» наряду со словом «колонизация» [11, 26]. Следует отметить, что переселенческая политика Российской империи была направлена на закрепление переселенцев на отдаленных рубежах и, хотя имели место случаи «обратничества» – возвращения переселенцев в места исхода, термин «переселение» подразумевал прежде всего безвозвратную миграцию.

В современной литературе термин «переселение» встречается значительно реже, чем «миграция». В частности, «переселение» – одна из базовых категорий упомянутой выше Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и, как следствие, она фигурирует в исследованиях, посвященных данному документу [9, 12, 27]. Поскольку Программа ориентирована на содействие лицам, переезжающим в РФ на постоянное место жительства, понятие «переселение» также преимущественно имеет значение законченного перемещения на другую территорию.

Соответственно, субъектами миграционных процессов являются мигрант и переселенец. Исходя из приведенных выше определений миграции и переселения, «мигрант – лицо, совершающее территориальное передвижение (миграцию) со сменой постоянного места жительства и работы навсегда или на определенный срок (от 1 дня до нескольких лет)» [20, с. 49]; переселенец – это «лицо, добровольно покидающее страну своего проживания и

переезжающее на постоянное место жительства в другую страну» [1, с. 113].

На наш взгляд, дифференциация видов миграции позволяет также разделить и субъектов миграционных процессов, обозначив понятием «переселенец» тех, кто ориентирован на безвозвратные территориальные перемещения, а понятием «мигрант» – субъектов всех остальных видов миграции.

В имеющейся научной литературе термины «мигрант» и «переселенец» фактически не разделяются. Большинство авторов, обратившихся к изучению миграции, используют их в качестве синонимов. Так, В.И. Переведенцев, И. Валлерстайн и ряд других авторов считают рассматриваемые понятия взаимозаменяемыми [6, 14, 18]. Е.К. Кириллова отмечает, что «после распада Союза в Россию из стран СНГ и Балтии прибыло около 11 миллионов мигрантов», не конкретизируя, о какой категории мигрантов идет речь: только ли о переселенцах, решивших (вынужденно или добровольно) перебраться в Россию на постоянное место жительства, или также о трудовых мигрантах [12]. Ж.А. Зайончковская, Л.Л. Рыбаковский и некоторые другие авторы в принципе используют в своих работах только понятие «мигрант» [10, 24].

Таким образом, отсутствие дифференциации при использовании понятий «мигрант» и «переселенец», на наш взгляд, затрудняет исследование миграционных процессов. Предложенное выше смысловое разграничение данных понятий позволяет выделить существенные характеристики, свойственные переселенцам в отличие от остальных мигрантов, а следовательно, и критерии, по которым мы сможем точнее определять представителей указанных групп.

Выделение категории «переселенец» из понятия «мигрант» дает возможность отойти от преимущественно экономического взгляда на миграцию и ее причины. Переселение – это не просто поиск более благоприятных с материальной точки зрения условий существования, но и стремление личности к самореализации. Желание населения сменить место жительства является показателем явных и скрытых общественных процессов, позволяющим осуществлять мониторинг реальных и потенциальных явлений и прогнозировать динамику развития общества. И если применительно к большинству «мигрантов» мы можем свести это стремление главным образом к поиску материального ресурса (речь в данном случае идет не о вынужденных мигрантах, покинувших место постоянного проживания под воздействием внешних факторов, но

о планирующих вернуться на территорию исхода), то, говоря о «переселенцах», необходимо учитывать ряд дополнительных факторов.

Анализ разных поколений переселенцев позволит нам определить, как изменялось содержание их потребностей и ценностей. Ведь реальные механизмы миграционного поведения не редуцируются до сиюминутной ситуации, они являются результатом накопления ценностей культуры за длительный период. Это, в свою очередь, поможет понять, что лежит в основе мотивационных решений переселенцев и какие факторы влияют на способность их реализовать. Представляется, что стремление к жизни в более благоприятных условиях является лишь одним из сегментов в системе ценностей переселенцев, причем не всегда базовым. Следует отметить, что изучение ценностных ориентаций переселенцев не отменяет учета утилитарных потребностей, но предполагает поиск их места в иерархии ценностей. В перспективе выявленный ценностный набор переселенцев может помочь государству, стремящемуся превратить миграцию в управляемый процесс, активизировать наиболее значимые ценности.

В то же время разграничение понятий «мигрант» и «переселенец» может стать инструментом эффективного управления реальными миграционными процессами. На практике мы видим, что переселенцы, настроенные на постоянное проживание на выбранной территории и способные содействовать ее развитию, фактически не имеют каких-либо преимуществ перед мигрантами, руководствующимися исключительно экономическими мотивами.

В качестве одного из примеров можно привести проблемы беженцев и вынужденных переселенцев, хлынувших в Россию в связи с развалом СССР. Среди переселенцев преобладали квалифицированные специалисты с высоким уровнем образования, их возрастной состав был моложе, чем у населения России [19, с. 65], следовательно, они обладали достаточным экономическим потенциалом для того, чтобы стать желанными гостями. Однако на деле Россия, объявившая себя преемницей Советского Союза, оказалась не готова принять новых жителей. Переселенцы столкнулись с практически непреодолимыми бюрократическими препонами. Проблемой номер один стала регистрация и получение российского гражданства. Получался замкнутый круг: без регистрации они не могли получить гражданство, а без гражданства их не регистрировали. Вопросы обеспечения жильем и трудоустройства также являлись актуальными. В частности, бывшим городским жителям зача-

стую предлагали обосноваться в селе, планируя их силами поднять сельское хозяйство, т.е. сделать «столичных интеллигентов и высококвалифицированных городских рабочих трактористами и доярками» [19, с. 63].

Сталкиваясь с этими проблемами, вынужденные переселенцы крайне низко оценивают помощь со стороны всех уровней власти. «Нет государственной поддержки», «государство не помогло», «государство бросило», «больше 8 лет ждем субсидии», «около 10 лет стоим в очереди на жилье», «государство обмануло, не дает компенсации за жилье» – такие ответы были получены от респондентов в ходе исследования, проведенного в Ставропольском крае [16, с. 106]. По данным опроса, проведенного в 2006 г. в Липецкой области, помощь от администрации получили 16% респондентов, помощь и поддержку со стороны миграционной службы – 10%, служба занятости помогла 4% переселенцев [29, с. 89]. Таким образом, вместо того чтобы обеспечить режим максимального благоприствования для переселенцев, их поставили в весьма незавидное положение, вследствие чего многие сегодня «предпочитают тактику временных выездов на работу, а не на постоянное жительство» [12].

Выправить ситуацию должна была упомянутая выше Государственная программа, нацеленная на стимулирование и организацию процесса переселения соотечественников на основе повышения миграционной привлекательности регионов России (кстати, стоит отметить, что вынужденные переселенцы не попадают под действие данной программы). Однако имеющиеся на сегодня результаты далеко не всегда соответствуют заявленным в Программе целям. Характерным примером является ситуация, сложившаяся вокруг семей старообрядцев, которые весной 2009 г. переселились из Латинской Америки в Красноармейский район Приморского края в количестве 25 чел. На их решение о переезде оказала влияние именно Программа, в рамках которой будущим переселенцам был обещан ряд льгот, в частности возможность в течение пяти лет безвозмездно пользоваться землей. Однако когда староверы приехали на историческую родину, выяснилось, что статус участников Программы они получить не могут, поскольку не попадают под действующее определение «соотечественников». Попытки получить в аренду землю для занятия сельским хозяйством наткнулись на непонимание со стороны властей различного уровня. Для получения гражданства они, не имея статуса «соотечественников», должны пройти множество формальных процедур. В результате переселенцы,

которые еще до переезда в Россию разработали планы развития сельского хозяйства в Красноармейском районе, формально ничем не отличаются от трудовых мигрантов из Китая, приезжающих в регион в качестве сезонных рабочих [8, с. 580].

Не менее показательна ситуация с корейскими репатриантами, несколько тысяч которых переселились в середине 1990-х годов в Приморье из Средней Азии. Во второй половине девяностых при поддержке приморских краевых властей был проведен ряд мероприятий, нацеленных на создание и развитие компактных поселений на территории Приморья российских корейцев, вернувшихся из Средней Азии и Казахстана. Предполагалось финансирование проекта из средств краевого бюджета и иностранных инвестиций, а также обеспечение переселенцев жильем и работой. Переселенцы, со свойственными им энергичностью, предприимчивостью и трудолюбием, со своей стороны планировали активно развивать сельское хозяйство в крае. Однако во многом благодаря утрате интереса со стороны местных властей проект был реализован лишь частично: обеспеченные жильем, переселенцы практически не имеют перспектив для нормального трудоустройства, а также для ведения эффективной сельскохозяйственной деятельности [21].

Характерно, что две последние группы переселенцев являлись «первопроходцами», к которым, в случае их удачного обустройства на территории вселения, планировали присоединиться другие. Так, при условии успешного размещения старообрядцев в Приморье и выделения им государством земли вслед за ними собирались приехать еще сорок семей из Латинской Америки [8, с. 579]. Однако условия, в которых оказались приехавшие, вряд ли привлекут в регион новых переселенцев из данной социальной группы.

Тот факт, что, с точки зрения региональных властей, мигранты являются более привлекательным инструментом для решения экономических проблем, неоднократно отмечался исследователями [2, 5]. Учитывая временный характер пребывания, мигранты не требуют особых усилий для создания условий их скорейшей адаптации, для обеспечения их жильем, работой и социальными гарантиями. Однако с их помощью возможно решение лишь краткосрочных проблем. Государство должно определиться, какие цели оно преследует на Дальнем Востоке, и в соответствии с этим выстраивать свою миграционную политику. Если целью является эффективное развитие региона, необходимо срочно принимать меры, стимулирующие переезд и закрепление на Дальнем Востоке переселенцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белькова Е.Г. Беженцы и переселенцы: разграничение понятий // Изв. Иркут. гос. экон. академии. 2008. № 3. С. 113-116.
2. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // Полития. 2011. № 4. С. 35-60.
3. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 15 / под ред. С.Н. Южакова. СПб.: Книгоиздат. тов-во «Просвещение», 1904. 794 с.
4. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.: Изд-во психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004. 296 с.
5. Быстрицкий С.П., Дубинина Е.В. Проблемы формирования постоянного населения на Дальнем Востоке: [электронный ресурс, zip-архив]. URL: <http://www.ferim.ru/russ/publication.html> (дата обращения: 30.07.2012).
6. Валлерстайн И. Иммиграция: протест на протест? URL: http://scepis.ru/library/id_630.html (дата обращения: 15.11.2012).
7. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Т.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. 228 с.
8. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.
9. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Административные процедуры. Москва, 2008. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/index.php> (дата обращения: 25.07.2012).
10. Зайончковская Ж.А. Новая миграционная политика России: впечатляющие результаты и новые проблемы. URL: <http://migrocenter.ru/science/science027.php> (дата обращения: 18.11.2012).
11. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Типограф. тов-ва «Общественная польза», 1905. 81 с.
12. Кириллова Е.К. Ждут ли соотечественников в России? (Прошлый опыт и первые итоги новой программы). URL: <http://migrocenter.ru/science/science028.php> (дата обращения: 31.07.2012).
13. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. М.: Статистика, 1976. 220 с.
14. Лапин Н.Н. Демография. Миграции. Влияет ли безработица на вселяемость вынужденных мигрантов в восточные регионы России? // СОЦИС. 2003. № 4. С. 72-78.
15. Магомедова А.Г. Экономико-демографические аспекты внешней миграции. М.: МАКС Пресс, 2007. 124 с. (Науч. серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир; вып. 17).
16. Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие вынужденных переселенцев // СОЦИС. 2007. № 4. С. 103-107.
17. Моисеенко В.М. Миграция населения как объект комплексного исследования // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания: сб. докл. М.: Диалог–МГУ, 1997. С. 23-30.
18. Переведенцев В.И. Круговорот административных восторгов // Миграция в ритме времени: сб. статей / сост. Зайончковская Ж.А. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 67-76.
19. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 334 с.
20. Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // СОЦИС. 2009. № 10. С. 48-57.
21. Придет ли конец скитаниям «коре сарам»? О миграции среднеазиатских корейцев в Россию. URL: <http://www.ferim.ru/russ/publication.html>

- fergananews.com/article.php?id=4935 (дата обращения: 01.08.2012).
22. Просвирнов С.Ю. Демографический потенциал Дальневосточного региона // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 59-66.
 23. Результаты мониторинга реализации долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению в Амурскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009–2012 годы» по состоянию на 01.01.2012. URL: <http://www.amurobl.ru/wps/portal/Main/resettlement/results/!ut/p/c5/04> (дата обращения: 31.07.2012).
 24. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию // СОЦИС. 2012. № 8. С. 49-60.
 25. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса: (Очерки теории и методов исследования). URL: <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=250095&soch=1> (дата обращения: 29.07.2012).
 26. Серповский Н. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль: Типо-Литогр. Г.В. Фальк, 1885. 185 с.
 27. Хабриева Т.Я. Миграция в России: новые аспекты в модели правового регулирования // Право и безопасность. 2006. № 1/2 (18/19). С. 72-77.
 28. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.
 29. Шурупова А.С. Адаптация и приживаемость мигрантов // СОЦИС. 2006. № 6. С. 87-89.
 30. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.

